

Прекариат по-российски (размышления над книгой Ж. Тощенко)

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ*

* **ПЛИСКЕВИЧ Наталья Михайловна** – старший научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: 117977, Москва, Нахимовский просп., д. 32. E-mail: znplis@yandex.ru

В статье анализируется развитие Ж.Тощенко идеи прекариата в первую очередь применительно к современной российской реальности. Прежде всего выделяются такие качества общества, необходимые для его образования, как его травмированность. Вводится категория “общество травмы”. Такой теоретический ход естественно вытекает из анализа постсоциалистической трансформации общества. В то же время автор полемизирует с Тощенко, для которого причинами становления такого общества выступают прежде всего социально-политические процессы. Для автора статьи это – лишь отражение более глубоких социально-экономических преобразований, обусловленных переходом от одного уровня развития производительных сил к другому, качественно новому. Причем такой переход чреват не только отрицательными аспектами, связанными с нарастающей неуверенностью в завтрашнем дне, с опасениями работников традиционных профессий, составляющих значительную часть среднего класса, но и дает толчок творческим стимулам, развитию “креативного прекариата”. Кроме того, если Тощенко, вслед за Стэндингом, обуславливает появление прекариата общества прежде всего неолиберальной политикой, то в России это вряд ли применимо. Российская экономическая политика скорее гибридна и представляет собой сочетание некоторых неолиберальных принципов со все углубляющейся монополизацией – по сути, антитезой неолиберализма. Такое сочетание еще в большей степени усугубляет и социальное неравенство, и расширяет ареал прекариата населения.

Ключевые слова: прекариат, неравенство, неустойчивость трудовых отношений, общество травмы, промышленная революция, информационная революция, неолиберализм, гибридная экономика.

DOI: 10.31857/S086904990009191-2

JEL: B31, D31, H50, J30, O10

Цитирование: Плискевич Н.М. (2020) Прекариат по-российски (размышления над книгой Ж.Тощенко) // Общественные науки и современность. № 2. С. 41–56. DOI: 10.31857/S086904990009191-2

Russian precariat (reflections on the book by J. Toshchenko)

Natal'ya M. PLISKEVICH*

*Natal'ya M. Pliskevich – Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovskij Av. Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: znplis@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the development of J. Toshchenko of the idea of a precariate primarily in relation to modern Russian reality. First of all, such qualities of society that are necessary for its education as its injury are highlighted. The category “injury society” is introduced. Such a theoretical move naturally follows from an analysis of the post-socialist transformation of society. At the same time, the author is arguing with Toshchenko, for whom the socio-political processes are the reasons for the formation of such a society. For the author of the article, this is only a reflection of deeper socio-economic transformations caused by the transition from one level of development of productive forces to another, a qualitatively new one. Moreover, such a transition is fraught not only with negative aspects associated with growing uncertainty about tomorrow, with the fears of workers in traditional professions, who make up a significant part of the middle class, but also gives impetus to creative incentives and the development of a “creative precariate”. In addition, if Toshchenko, following the Standing, determines the appearance of precariation of society primarily by neoliberal politics, then this is hardly applicable in Russia. Russian economic policy is more likely hybrid and represents a combination of some neoliberal principles with ever-deepening monopolization – in fact, the antithesis of neoliberalism. This combination exacerbates social inequality to a greater degree, and expands the area of population precariation.

Keywords: precariate, inequality, instability of labor relations, trauma society, industrial revolution, information revolution, neoliberalism, hybrid economy.

DOI: 10.31857/S086904990009191-2

JEL: B31, D31, H50, J30, O10

Citation: Pliskevich N.M. (2020) Russian Prekariat (reflections on the book by Zh. Toshchenko). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 41–56. DOI: 10.31857/S086904990009191-2 (In Russ.)

В 2011 г. увидела свет книга Г. Стэндинга “Прекариат: новый опасный класс”, а в 2014 г. вышел ее русский перевод [*Standing 2011; Стэндинг 2014*]. И хотя Стэндинг в своем анализе этого социального феномена как отражения нарастающей неустойчивости, неопределенности положения человека труда в современном мире (само слово образовано в результате сочетания английских слов precarious – “неустойчивый, нестабильный” и proletariat – “пролетариат”) не касается российских реалий (и в целом реалий постсоциалистического мира), отечественные ученые проявили большой интерес к его работе именно в связи с изучением ситуации в нашей стране. Увидело свет множество статей, в которых российская действительность рассматривается сквозь исследовательскую призму прекариата (см., например, [Голенкова 2015; Михайлова 2015; Бусыгина 2016; Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова 2015; Гасюкова, Карачаровский, Ястребов 2016] и др.)¹.

Новым качественным сдвигом в данном направлении российских работ стала книга Ж.Тошченко “Прекариат. От протокласса к новому классу” [Тошченко 2018]. Важность этой работы состоит прежде всего в том, что автор, используя огромный российский социологический и статистический материал, накопившийся со времен начала рыночных реформ, а также данные зарубежных стран, сделал новый шаг в исследовании этого явления

---

¹ Хотя широкий резонанс понятие “прекариат” получило с выходом книги Стэндинга, этот термин (да и само явление) появился еще в конце XX в. Его предложил П. Бурдьё, неоднократно выражавший озабоченность нарастанием ощущения неопределенности и неустойчивости положения у массовых групп трудящихся как у незащищенного общественного слоя в связи с проявлениями неолиберальной политики [Bourdieu 1998].

и выстроил собственную теоретическую концепцию, обогатившую картину, представленную у Стэндинга. В то же время Тощенко, как и его английский коллега, при анализе сложившейся к концу XX в. ситуации на рынке труда и, соответственно, нарастающей неуверенности в своем положении работников даже тех его сегментов, которые ранее считались стабильными, основную вину возлагают на победившую в развитых странах и привнесенную в постсоциалистические государства в ходе рыночных реформ концепцию неолиберализма. Это роднит обоих авторов, позволяет с полным основанием определить концепцию Тощенко как развитие и углубление теории Стэндинга. Углубление и развитие, как раз обусловленное отсутствием у Стэндинга анализа постсоциалистической трансформации, породившей резкий переход от стабильности (как бы мы сегодня к ней ни относились) стран “реального социализма” к бурно меняющимся реалиям реформируемых экономики и общества, к резкому падению производства, а значит, к нестабильности занятости – явлению, ранее не знакомому рядовым труженикам этих стран.

Как уже отмечалось, Тощенко на огромном российском статистическом и социологическом материале демонстрирует различные темы прекариальных отношений, связанных и с неформальной, и с временной и неполной занятостью, и с сезонными и фрагментарными работами, и с различными, ранее не известными в России формами трудового найма, и с безработицей. Отдельно рассматривается фрилансерство как новый для нас вид наемного труда, анализируется положение трудовых мигрантов, равно как и положение молодежи на рынке труда. Автора интересуют и такие темы, как особенности жизненного мира представителей прекариата, происхождение у них изменений в осознании себя в этом мире, критериев поведения и в экономике, и в социальной сфере, и в сфере политики, и в духовно-нравственной сфере.

В целом Тощенко характеризует прекариат как новое социоструктурное образование, раздумывает над тем, возможно ли объединение представителей данных слоев общества на классовой основе. Но прежде всего по отношению к России он констатирует, что для этого пока нет условий: у представителей прекариата так и не произошла пока самоидентификация как основа солидарности, нет идей, объединяющих разных прекариев, равно как и новых лидеров, то есть людей, первыми уловивших новые настроения, способных объединить разные страды прекариата и выработавшие программу борьбы за его права. Но в перспективе, по мнению Тощенко, “прекариат имеет тенденцию превращения потенци (то есть разрозненных форм проявления недовольства своим положением. – *Н.П.*) в опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны. В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса” (с. 252)².

Автор заключает книгу утверждением, что само появление прекариата свидетельствует о том, что общество ныне “столкнулось с новым видом отчуждения”, а сам прекариат – принципиально новое образование, которое в настоящее время “еще в немалой степени несет черты протокласса”, он еще стоит на пороге превращения в “класс для себя” (с. 272). По сути, применяя концепцию прекариата к российским реалиям, Тощенко приходит к схожим со Стэндингом выводам: если интересы нового социального образования по-прежнему будут игнорироваться, то этот нарождающийся новый класс вполне может стать весьма опасным. Характеризуя нынешнее состояние как “политику ада”, Стэндинг противопоставляет ей “политику рая”, пусть даже, по его собственному мнению, “слегка утопичную”. Но при этом он вспоминает также высказанное в середине XX в. мнение М.Фридмана о том, что задача экономической теории – разработать альтернативы

² Здесь и далее ссылки на книгу Тощенко даются в тексте в круглых скобках.

существующей экономической политике, сделать их жизнеспособными и доступными пока политически невозможное не стало политически неизбежным [Freedman 1984, р. XI; Фридман 2006, с. 19].

Однако предложенные Стэндингом элементы “политики рая” все же более склоняются к утопии, нежели к жизненным реалиям. Причины этого уже высказывались критиками Стэндинга. Их суть состояла в том, что сам прекариат определяется, отталкиваясь от признаков некоего стабильного (и во многом мифического) рабочего класса с полным объемом политических прав и социальных гарантий, равно как через чувство аномии и дистанцированности от традиционного рабочего движения [Бусыгина 2016, с.40; Munck 2013, р. 751]. В своей книге Тощенко, по сути, повторяет этот путь. Однако, возможно под воздействием российских реалий последних десятилетий, вносит в определение сути прекариата важное уточнение, связывая его появление с таким феноменом, как “общество травмы”.

“Общество травмы” вчера и сегодня

Признавая справедливость того, что “прогресс” как желательная форма развития общества Нового времени не обходится без срывов, турбулентностей, дезорганизаций социального организма, которые приводят к образованию в нем разного рода деформаций, нельзя не отметить следующее. Эти явления давно и разносторонне рассматривались учеными многих стран. Тощенко же концентрирует их в современной социально-экономической системе и полагает, что существующие трактовки деформаций можно расширить до понятия деформированности характера развивающихся процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах “имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности реальных преобразований (катастроф)” (с.12).

Он перечисляет также причины, по которым то или иное общество пришло к подобному состоянию. Во-первых, это внутренние катаклизмы типа быстрого трансформационного постсоциалистического транзита рубежа 1980-х – 1990-х гг. при отсутствии в них “руководителей планетарного мышления и масштаба, способных согласовать общемировые тенденции и национальные особенности и интересы, обеспечить сочетание научных и практически целесообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований по реализации требований научно-технического и социального прогресса”. Во-вторых, к образованию “обществ травмы” приводят “цветные революции”, а если их механизмы не срабатывают, то, в-третьих, в дело вступают внешние силы, направленные на насильственное изменение существующего режима. В-четвертых, источником образования таких обществ становятся экстремистские религиозные и националистические силы. Наконец, в-пятых, причинами появления “обществ травмы” могут быть случаи, “если экономическое, социальное и, конечно, политическое *развитие страны пустить на самотек*, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, тем более, не заботясь о будущем страны” (с. 13–15). Примером последнего случая автор называет Филиппины, успешно развивавшиеся в начале 1960-х гг., но затем растерявшие свои позиции.

По сути, все перечисленные причины можно отнести скорее к социально-политическому спектру, причем относящиеся или к развивающимся, или постсоциалистическим странам, хотя автор и призывает наличие травматических процессов и в развитых государствах. Но и тут это, скорее, процессы социально-политического плана (Брекзит в Великобритании или борьба за отделение сложившихся провинций, например, в Испании или Бельгии). Обобщая, Тощенко приходит к выводу, что “если эволюция и революция – это процессы реализации объективных потребностей развития, хотя и разными методами, то травмы – это результат длительной, неопределенной, турбулентной трансформации общества, характеризующаяся деформацией экономических, социальных, политических

и духовно-культурных отношений и, как следствие – имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы позитивных преобразований по преодолению деструктивных изменений” (с. 15–16).

Соответственно, к родовым чертам “общества травмы” Тощенко относит дезорганизацию экономической и политической жизни, стагнацию и даже откат от достигнутых ранее экономических и социальных рубежей, отсутствие четкой стратегии и понимания путей дальнейшего развития, а также творческих сил, способных осуществлять руководство желаемыми преобразованиями, с одной стороны, и резкий рост социального неравенства – с другой (с. 16, 18, 20, 21). Конкретно для России в качестве специфических черт выделяются утрата технической и технологической самостоятельности, ошибочный курс на деиндустриализацию страны, конвертацию власти в капитал и капитала во власть (с.21, 22). К этому добавляется потеря большинством населения “стабильности личной и общественной жизни”, его “неустойчивое социально-экономическое положение, неуверенность в гарантиях будущего, что нашло отражение в быстром увеличении социальных слоев (общностей), называемых прекариатом” (с.26).

Таков вкратце общетеоретический костяк, на котором покоится все дальнейшее изложение. По сути, это развернутое, подкрепленное статистическими и социологическими данными рассмотрение проблем социального неравенства, неустойчивости и во многих случаях просто бедственности положения значительной части российского населения в ситуации, наступившей после начала рыночных реформ. Об этом достаточно много написано, но в данном случае анализ нацелен на углубление самого понятия “прекариат”. Поэтому представляется важным остановиться на общетеоретическом подходе автора, так как он является фундаментом всей выстраиваемой конструкции.

Здесь сразу вызывает некоторое недоумение противопоставление процессов эволюции и революции как процессов реализации объективных потребностей развития, процессам, ведущим к травмам общества с длительными периодами неопределенности, турбулентности и деформацией всей совокупности общественных отношений. Но ведь такой тип развития как раз свидетельствует об отклонении от нормального для данного общества эволюционного пути, которое усугубляясь со временем, а значит, все больше травмируя население, и ведет к революционному взрыву. Будет ли способствовать этот взрыв возвращению в нормальное эволюционное русло или приведет к новым деформациям – другой вопрос. Однако, думается, что “общество травмы” вполне вписывается в оппозицию “эволюция – революция”. И задача политики – не довести травмирующие общество черты до накала, чреватого революционным взрывом.

В целом Тощенко, с одной стороны, подхватывает идеи Стэндинга, связанные с формированием прекариата в развитых странах и объясняемые им прежде всего с позиций критики неолиберальной политики, но с другой – сосредоточивается на характеристике данного явления в странах постсоциалистической трансформации, и прежде всего в России, со всеми сложностями, даже шоками от резкого перемещения масс из одной социально-экономической среды в другую, крушения многих иллюзий при столкновении с этой новой реальностью. И из теоретической подводки к развитию идей прекариата российского общества, и из самого описания этих процессов видно, что ученого очень волнует, по какому пути пошли преобразования в нашей стране. Однако представляется, что его взгляд преимущественно социолога на события трех последних десятилетий и на то, в каком положении оказалась значительная масса людей, дает несколько упрощенное толкование причин появления “общества травмы”, сведя его, по сути, к социально-политическим.

Между тем под фиксируемым автором социально-политическим слоем лежат более глубокие социально-экономические пласты. Ведь все перечисленные им катаклиз-

мы возникли не на пустом месте. Они были порождены и глубинными структурными искажениями экономики, не исправлявшимися, а наоборот, углублявшимися в течение десятилетий, как это было в СССР, и отставанием институциональной структуры общества от потребностей, диктуемых современными формами экономики³, и появлением внутри, казалось бы, монолитной, отстроенной системы целого комплекса неформальных отношений, которые, с одной стороны, лежали в основе многих процессов, помогавших людям находить выход из сложных ситуаций в то якобы стабильное время, но с другой – вылились в конце концов во вполне сильную “теневую” экономику, разъедавшую режим изнутри. Именно такие глубинные процессы, которым тоталитарный режим не позволял вырываться на поверхность, но которые жили и развивались под толщей государственных циркуляров и внешних запретов, в конечном итоге и привели к необходимости радикальных реформ. К сожалению, произошло это слишком поздно, а потому и крайне болезненно для людей, значительная часть которых действительно была травмирована.

Этот переход из одной социальной системы в другую на самом деле был крайне болезненным для населения, к тому же не осознававшего все трудности предстоящих преобразований. Учитывая это, одновременно все же нельзя забывать, что наш переход от одной системы к другой совпал с другим переходным процессом, которым охвачен весь мир и на котором, по сути, сосредоточен Стэндинг в своей работе о прекариате. Этот переход связан с качественными изменениями в экономическом укладе, вызванном начавшимися процессами массового преобразования технологий в условиях разворачивающейся информационной и научно-технической революции. В такой ситуации старые почтенные профессии, десятилетиями приносившие их обладателям стабильный доход и устойчивое экономическое и общественное положение, нередко теряют свою устойчивость, перестают быть востребованными рынком труда в прежнем количестве и качестве. Не удивительно, что ученые уже с конца XX в. стали фиксировать настроения тревожности, неуверенности в завтрашнем дне, общее состояние неопределенности по отношению к собственному будущему и у представителей среднего класса.

Здесь стоит вспомнить и о том, что промышленная революция, особенно ее начало, также полна людских трагедий, мучительного приспособления массы людей к новым условиям жизни. Передовая в этом отношении Англия имеет в своей истории и такие явления, как “огораживание”, когда крестьян насильно сгоняли с их земли во имя создания условий для массового разведения овец – “поставщиков” шерсти на новые мануфактуры, и движение луддитов, крушивших новые машины, лишавшие их работы, и работные дома с их сверхэксплуатацией. В таких условиях подавляющая часть общества – люди труда – не могли не опасаться за свою судьбу и судьбу своей семьи. А это и есть признак “общества травмы”.

Кроме того, вспомним, что К.Маркс одной из своих научных заслуг считал выявление особого рода товара – рабочей силы. Его работник продавал на рынке труда своему нанимателю. Однако очевидно, что нормальная “торговая” сделка в данном случае оказывается невозможной из-за разницы положения капиталиста, с одной стороны, и предлагающего ему свой труд работника (возможно, за исключением некоторых редких или нестандартных профессий) – с другой. Потребовались десятилетия, чтобы стали возникать профсоюзы, объединенная сила членов которых смогла наладить баланс в соотношении сил этих двух сторон сделки. А само общество рабочих организовалось в особый класс – пролетариат, постепенно учившийся отстаивать свои интересы. В дальнейшем, когда государство,

---

³ Вспомним хотя бы “Новосибирский манифест” Т. Заславской – ее доклад 1983 г., сделанный на семинаре в ИЭиОПП АН СССР, где она высказала идею о том, что производственные отношения в СССР (и, соответственно, институциональная структура) не соответствуют новому характеру производительных сил, и была подвергнута за это (как и директор института А. Аганбегян) достаточно серьезным по тем временам репрессиям.

заинтересованное во всеобщей стабильности, подключилось к этим процессам, возникли “трехсторонние комиссии”, в ходе работы которых государство как арбитр помогало представителям предпринимателей и профсоюзов находить приемлемые для обеих сторон решения, идущие на пользу развитию производства, с одной стороны, и обеспечивающие интересы работающих на них – с другой.

Думаю, этот экскурс в историю становления пролетариата небесполезен при анализе формирования прекариата, ибо и тот и другой зародились под воздействием мощных сдвигов в производительных силах. Один стал плодом промышленной революции, другой можно связать с новой информационной, цифровой эпохой, также являющейся революционным сдвигом в развитии технологий и производительных сил вообще, неизбежно ведущим за собой смену приоритетов в профессиональной ориентации, кризис систем, опирающихся на старые принципы, причем не только производственных, но прежде всего тех, которые отвечают за быстрое формирование человеческого капитала, необходимого новой экономике.

Не удивительно, что и Стэндинг, и Тощенко уделяют много внимания проблемам образования. И как важную социальную проблему выделяют тему превращения его в своего рода сферу услуг, вписывающуюся в общий контекст рыночных отношений. Оказавшись на сломе эпох, эта сфера, с одной стороны, стремится расширить предложение своих услуг, но с другой – нередко ориентирована на старые образовательные критерии (либо формируя новые критерии и при этом упрощенно подходу к своим задачам, по сути примитивизирует общеобразовательную базу будущих выпускников). В результате миллионы выпускников университетов в мире остаются без работы⁴, а Стэндинг констатирует, что “товаризация образования – социальный недуг” [*Стэндинг* 2014, с. 131].

Все сказанное может свидетельствовать о том, что “общества травмы” формируются под воздействием, скорее, не социально-политических катаклизмов, а более глубоких сдвигов в производительных силах, к тому же приобретающих глобальный характер. Именно глубина этих сдвигов нередко выплескивается в формах политического недовольства, вплоть до революционных всплесков. Поэтому, как уже было отмечено, вряд ли продуктивно противопоставлять тенденции, связанные с “обществом травмы”, и дихотомию развития между эволюцией и революцией. Травмы накапливаются и способны вести к революции, если в эволюционном процессе возникают серьезные дефекты. Все это особенно заметно при сравнении современной ситуации с ситуацией утверждения промышленного производства как основной движущей силы экономики.

В то же время сравнение этих двух эпох показывает, что в ситуации “общества травмы” мы можем наблюдать не только факторы, акцентированные Стэндингом, и Тощенко, – нестабильность, непредсказуемость, неопределенность, в которых оказывается большинство людей. В этих же условиях и в период промышленной революции, и в наши дни выделяется масса людей, которые используют открывшиеся перед ними возможности свободы выбора и достаточно успешно их реализуют. Они также входят в прекариат и по Стэндингу, и по Тощенко. Но оба исследователя концентрируют внимание на негативных (точнее – не соответствующих стандартам предшествующего этапа развития) аспектах их жизненного и трудового пути, но практически игнорируют моменты, открывающие возможности для более свободного и творческого саморазвития. Не случайно И. Бусыгина в качестве серьезного недостатка книги Стэндинга, каковой вполне можно отнести и к работе Тощенко, называет «отсутствие в ней описания и анализа так называемого “креа-

---

⁴ В России 1990-х – начала 2000-х гг. отмечался резкий рост числа вузов и их филиалов. Соответственно, возросло число лиц с высшим образованием. Однако работать по специальности удается устроиться в разных отраслях производства лишь 30–70% выпускников. При этом основным фактором успеха тут становится не образование, а наличие социального капитала. Наличие же диплома нередко оказывается символом фиктивного человеческого капитала (см., например, [*Плискевич* 2012]).

тивного прекариата» [Бусыгина 2016, с. 41]. Возможно, этот анализ не укладывался в их концепцию, более того, углубление в данную тему может подвергнуть эту концепцию серьезному сомнению. И окажется, что знаковой фигурой современной экономической системы окажется не «прекарий сомневающийся и недовольный», а «креативный прекарий».

Значительную часть этого отряда составляют фрилансеры и контрактники, появление которых вызвано потребностями современной быстро меняющейся «текущей» экономики с постоянным возникновением новых нестандартных задач, ориентированных скорее на индивидуальную творческую инициативу, нежели на объединение больших групп, как это было ранее. Все это ведет, с одной стороны, к разобщению, атомизации общества, разрушает прежние структуры, типа профсоюзов, прежние способы борьбы трудящихся за свои права, но с другой – создает новые типы самоорганизации, ориентированные на сетевые модели и не предусматривающие наличие организационных структур старого типа.

Разумеется, эти процессы находятся лишь в стадии становления, но и сегодня они дают о себе знать. Достаточно вспомнить хотя бы движение «желтых жилетов», уже не один месяц борющихся против покушения на социальные права занятых в самых разных областях французской экономики и добившиеся уже многих уступок от властей⁵. То есть новая цифровая, сетевая реальность уже сейчас формирует новые способы коллективной организации населения в борьбе за свои права, идущие на смену достаточно забюрократизированным профсоюзам, а возможно, и даст толчок совсем новым формам организации.

Но, как представляется, главное изменение современного мира связано с различными формами существования «креативного прекариата», сознательно предпочитающего свободу и в труде, и в творчестве, и в досуге. Анализ этого аспекта ускользнул из работы Тощенко, который даже в разделе, специально посвященном позитивным характеристикам занятости фрилансеров акцентирует внимание на специфике данного вида трудовых отношений, но не углубляется в проблему социопсихологической мотивации этих людей, делая упор на факторах развития фриланс-карьеры, а также на том, что «в ряде случаев фриланс – первый шаг на пути создания собственного бизнеса» (с. 163). В данном случае он, можно сказать, последовал за Стэндингом, ибо их обоих интересует прежде всего социально-экономическая сторона данного явления, точнее – нового типа имущественного расслоения общества, связанные с быстрыми изменениями в технологии массового производства и, соответственно, ускоренным изменением спроса на те или иные виды труда, а отсюда – и чувства неуверенности, неустойчивости положения многих работников массового типа, еще вчера не задумывавшихся о зыбкости своего статуса.

Между тем исследование прекариата качественными методами, проведенное в [Гасюкова, Карачаровский, Ястребов 2016], позволяет выделить в этом образовании различные группы часто с непохожими мотивациями и среди них достаточно сильную группу (прежде всего, молодежи), готовую воспользоваться большими возможностями свободы выбора. Как раз наличие таких групп позволяет избавиться термин «прекариат» от целиком негативных коннотаций. Названные авторы подчеркивают прежде всего, что «прекариация, если понимать этот термин вне моральных концепций, – естественный процесс, сопутствующий развитию общества постиндустриального типа, в котором нестабильность является результатом высокой интенсивности инновационных процессов» [Гасюкова, Карачаровский, Ястребов 2016, с. 51]. Правда, к данному определению все же, на мой взгляд, справедливо было бы добавить выведенное Тощенко определение «общества травмы» как свойственное периодам и технологических революций, и резкого слома

⁵ В России также наблюдаются процессы сетевой самоорганизации нового типа. Причем это особенно важно потому, что псевдоколлективизм советского периода с его профсоюзами, деятельность которых концентрировалась в основном в социокультурной сфере, организации оздоровительных, рекреационных, культурных и т.п. мероприятий, а в случае серьезных трудовых споров обычно сводилась к нулю, была одним из факторов атомизации российского общества [Юдин 2018].

социальной системы, которой, бесспорно, является постсоциалистическая трансформация. Но все же сведение прекариации исключительно к социальным катаклизмам упрощает данный процесс и главное – не показывает пути к дальнейшему развитию и общества, и экономики, и самого человека.

В [Гасюкова, Карачаровский, Ястребов 2016, с. 53–59] на основе сегментации российских работников с риском прекариации по типу занятости и локусу источников нестабильности статуса были проведены качественные исследования. Они позволили выявить связанные с изменением внешних и внутренних обстоятельств изменения, соответствующие душевным потребностям разных групп, выделить качества работников и наложить их на тип занятости, порождающий нестабильность. В результате были выделены семь групп прекариата – классический с главной мечтой о социализме; отходники и самозанятые в третичном секторе экономики; работники, не могущие или не ставящие себе цель концентрации на конкретной профессии; люди со специфической профессиональной культурой, не ориентированные на капитализацию своего труда и способностей, с отсутствием четких карьерных целей или их временным отсутствием; работники с личностными установками, мешающими росту, связанными прежде всего с внутриличностными барьерами; носители особенной “жизненной философии”, для которых особая ценность – независимость в профессиональной деятельности; лица с идеализированным представлением профессиональных целей.

Все это свидетельствует о том, что сегодня лица, относимые к прекариату, весьма разнообразны, равно как и разнообразны мотивы, по которым они попадают в слой нестабильной занятости. Поэтому в определении прекариата вряд ли правильно все сводить к негативным моментам нестабильности и неустойчивости положения попадающих в такое положение трудящихся (хотя, наверное, таковых и большинство). Но столь же важно учитывать и те возможности перехода от одного технологического уклада к другому, которые улавливает и учитывает “креативный прекариат”. Пусть его положение так же неустойчиво, но он сознательно берет на себя его риски в надежде на результат от своих творческих свершений. И в этом мотивация “креативного прекариата” качественно отличается от мотивации других групп прекариата. Один стремится к новым, неведомым, рискованным рубежам, для других цель – возвращение к социальным порядкам и социальным гарантиям, связанным с уходящим уровнем социально-экономического развития.

Поэтому прекариат вряд ли можно пока квалифицировать как “новый опасный класс” или усматривать тут процесс перехода “от протокласса к новому классу”. Скорее, образование данного явления стоит связывать не столько с социальным устройством общества (будь то классический капитализм Запада или обремененные своими проблемами переходные постсоциалистические общества), сколько с вызовом, который бросает всем нам новый технологический взрыв в развитии производительных сил. Ведь он неизбежно связан для людей труда с резкими изменениями в условиях трудовой деятельности и в ценности тех или иных профессий, а также с внутренними процессами, с психологией человека, от которого требуется по-новому оценить и окружающий мир, и свое место в нем. Поэтому и Стэндинг, и Тоценко основную вину в появлении массовых слоев неустойчивой занятости и, соответственно, тревожного жизнеустройства в целом возлагают на победу в экономической политике доктрины неолиберализма.

Неолиберализм и прекариат: расхождение западных и российских реалий

В книге Стэндинга всячески подчеркивается, что воплощенная в реальность неолиберальная доктрина с ее распространением рыночных отношений на максимально широкие сферы жизни общества, с превращением рынка в ключевое понятие и дала толчок появлению прекариата. И если для либералов идеалом представлялось “открытое общество”,

то для неолибералов таковым становится “сетевое общество”. Но у попавшего в такую ситуацию человека труда начинают размываться живые общественные связи, тем более, и современные профсоюзы, способные выступать на рынке на равных с работодателем, ныне часто забюрократизированы и не внушают прежнего доверия. А формы сетевого объединения делают лишь первые шаги. (Хотя для Стэндинга сами сети в большей мере выступают как зло, нацелены на то, чтобы “переписать” людей по-своему, что, по его мнению, мешает консолидации памяти, того, что ранее называлось интеллектом. И вообще, “цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий” [Стэндинг 2014, с. 40].)

Не удивительно, что оказавшись в такой совсем новой ситуации (причем очевидно, что новизна будет нарастать), человек, особенно затративший долгие годы на освоение профессии, ранее престижной и приносящей стабильный доход, но перспективы которой становятся туманными, оказывается в плену ощущений тревожности, неуверенности в своем будущем. Тем более, что старые социальные связи и средства социальной защиты все более размываются, а новые пока зыбки и не дают ощущения твердой поддержки в случаях попадания в тяжелую ситуацию. Ведь важнейший тезис неолиберализма – опора на личную инициативу, на собственные силы в обустройстве собственной трудовой и жизненной судьбы.

Естественно, что в такой ситуации у идеологов, противостоящих данному течению, появляется чувство протеста, желание защитить эту ширящуюся массу людей, подпадающих под определение прекариата. Но во многом их поиски, как и поиски Стэндинга, выливаются в предложения, скорее, обращенные назад, ко времени промышленной организации больших коллективов трудящихся, а также развивающие разного рода идеи по сути социалистического типа (скажем, предложение о базовом доходе, на который могут претендовать все граждане страны). Естественно также, что в такой ситуации ширится число сторонников левых идей той или иной степени радикальности. И возможно, в этом взгляде на современный быстро меняющийся мир уходящего, но в большой степени обеспечивавшего стабильность тех социальных групп, которые оказываются в центре анализа сторонников теории прекариата, нет действительных поисков новых возможностей, лишь обозначающихся в новом мире. А потому естественно, что в таких описаниях и предложениях (и у Стэндинга, и у Тощенко) отсутствует углубленный анализ и описание “креативного класса”. Возможно, причина тому, как отмечает Бусыгина, в том, что само его существование “подвергает сомнению его (Стэндинга. – Н.П.) концепцию и его эмоциональный пафос” [Бусыгина 2016, с. 41].

По сути, отношение к неолиберальной идеологии воспринято и Тощенко. И если Стэндинг не затрагивает российских реалий, то Тощенко строит свой анализ в основном на них, подчеркивая значение перехода к рыночной экономике и тех методов, которыми он был осуществлен, как исток образования в нашей стране “общества травмы”. Действительно, рыночные реформы стали травмирующими (и продолжают быть таковыми) для многих людей в России. Однако вряд ли можно согласиться с его общим представлением о том, каков должен быть выход из сложившейся ситуации: “...кому отдать приоритет в определении будущего страны – программе социально ориентированного государства, рыночным разработкам (нео)либералов или претендующим на надпартийность технократическим проектам” (с. 274). В то же время сама формулировка этого вопроса свидетельствует об одной важной сущностной особенности отечественной экономики.

Часто критики сложившейся в стране ситуации называют эту экономику неолиберальной и приписывают именно неолиберализму, воспринятому с Запада, все ее дефекты. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Скорее, нашу экономику можно охарактеризовать как *гибридную*. Она сочетает в себе прямое или косвенное огосударствление значительной части экономики, ее монополизацию и чисто государственными структурами, и квазичастными, принадлежащими узкому кругу лиц, аффилированных с государством.

Все это душит конкуренцию в сфере не только крупного, но и среднего и малого бизнеса, препятствует развитию свободных производственных связей, разработке и внедрению инноваций, созданию тех самых сетевых моделей, на которые опирается инновационная, цифровая экономика. В социальной сфере такое сужение пространства производственных свобод сужает и пространство проявления свободы творческой деятельности человека. Не случайно, в отличие от большинства развитых стран, где на долю малого бизнеса приходится до половины произведенного ВВП, у нас эта доля ограничивается несколькими процентами. А это значит, что и у тех, кто оказались в положении прекариата, сужаются возможности для поиска достойного выхода из трудного положения.

В то же время нельзя не видеть, что наша гибридная экономика (точнее – ее бенефициарии) вполне успешно пользуется целым рядом принципов неолиберализма, касающихся прежде всего стремления государства сбросить с себя ответственность за исполнение социальных обязательств, которые оно же само взяло на себя, вытеснив с этого поля неподконтрольных ему частных инвесторов, не говоря уже о субсидировании разного рода гражданских инициатив иностранными инвесторами (за это, кстати, многие НКО, даже не занимающиеся, скажем, правозащитной деятельностью, и ограничивающиеся чисто социальными, обычно экологическими, проблемами, уже не раз получали клеймо “иностранного агента”). Не случайно А.Рубинштейн, говоря о государственной политике в таких сферах, как культура, образование, здравоохранение, наука, подметил, что наше финансовое ведомство, формируя бюджет, идет по проверенному пути “нормирования и регламентирования затрат” на деятельность учреждений, работающих в этих областях. В результате «чиновникам Минфина удалось невозможное – бюджетное *обязательство* учредителей “переплавить” в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно установленные этим ведомством требования в области расходов труда и материалов» [Рубинштейн 2019, с. 118].

При этом, критикуя сложившуюся ситуацию, неправомерно в качестве образца предлагать разрешение проблем, привычное для советской системы, что, кстати, нередко встречается в книге Тощенко. Бесспорно, разрушение советской модели, прежде всего социальной, стало травмой для большинства россиян. Однако нельзя забывать и то, что и эта модель была некомфортна для большинства и просто несправедлива, как любая модель, выстроенная по иерархическому принципу. Не случайно к концу ее существования, согласно социологическим опросам 1991 г., две трети населения требовали перемен и перехода к рыночной модели. Но одновременно те же опросы показывали, что такое же большинство не желало в ходе такого перехода жертвовать тем малым, что оно имело: скажем, было против безработицы и снижения заработной платы, роста цен, без чего сам этот переход был бы невозможен.

Здесь, думается, уместно напомнить то, что с самого начала создания советской модели одной из целей была минимизация оплаты труда, непосредственно получаемой работниками (это, кстати, породило один из существенных структурных дисбалансов в экономике). Но так как во многих случаях этой оплаты не хватало на удовлетворение самых насущных потребностей, то в советской модели была создана целая система мер, часть которых входила в так называемые “общественные фонды потребления”, призванные в какой-то мере компенсировать практиковавшуюся недоплату труда во всех областях. Здесь можно выделить следующие основные направления:

1. Дотирование цен на продовольствие как наиболее необходимый элемент нормальной жизни человека. Правда, если в первые годы Советской власти сельскохозяйственная продукция фактически изымалась из колхозов по крайне низким ценам, то уже с 1950-х гг. стал очевиден кризис этой отрасли. И в 1970-е гг. она получила в виде разного рода дотаций, занижения цен на сельхозтехнику и т.п. до триллиона рублей (огромную по тем временам сумму). Но все равно успехи этой отрасли оставались скромными.

Страна импортировала и зерно, и другие продукты питания. Также приходилось время от времени повышать розничные цены на те или иные виды продуктов, что не спасало от их постоянного дефицита. И несмотря на все эти меры, доля расходов домохозяйств на питание была существенно выше, чем на Западе, где такие меры не практиковались. И если в развитых странах к 1980-м гг. она составляла 10–20% общих расходов, то в СССР в середине 1980-х гг. она достигала 33–35% расходов [Народное...1988, с. 404, 405]⁶. В современной России даже в середине 2000-х гг. при резком росте экономики и доходов населения до кризиса 2008–2009 гг. из групп, доступных для обследования социологами, соответствующий или немного больший уровень расходов на питание показывали лишь 3–4 наиболее доходные децильные группы населения [Обзор... 2008, с. 266].

2. Блага, получаемые через государственные институты социальной системы либо бесплатно, либо за символическую плату. К последним прежде всего надо отнести практиковавшуюся в советский период оплату городского транспорта и услуг ЖКХ, совершенно не покрывавшую издержки данных отраслей.

3. Получение благ и разного рода льгот от своих ведомств и предприятий или от государственных институтов соответствующего профиля. Эта часть поддержки, не связанная непосредственно с заработной платой, во многом была опорой выстроенной иерархической системы общества и обусловленным ею распределением потребительских благ (подробнее см. [Плискевич 2010]).

Основная травма, жертвой которой стало большинство населения, связана не только с проблемами в оплате труда и закрытии предприятий, но и с тем, что привычная система компенсации недоплаты труда рухнула. Резко возросли цены на продовольствие, даже превысив западные аналоги⁷. Все это нельзя отнести к “дурным последствиям” действий неолибералов. Ибо тут мы имеем дело и с глубочайшими структурными перекосами советской экономики, которая и рухнула под их тяжестью как только упали цены на нефть и газ, и с агрессивным адаптационным индивидуализмом так называемых “промежуточных выгодоприобретателей” [Hellman 1998], воспользовавшихся своим преимущественным положением в сложившейся в стране системе “власти-собственности” [Плискевич 2006], не дававших ее сломать и монополизировавших возможности распоряжения имеющимися ресурсами, а также своими возможностями “входить в дело” свободного бизнеса или строго контролировать его. В результате после 10 лет восстановительного роста мы попали в длительную зону стагнации. Все это заставляет согласиться с Бусыгиной, утверждающей, что “российские реалии противоречат одному из основных положений... согласно которому прекариат порождает неолиберальная глобальная политика. Российский капитализм исследователи характеризуют по-разному – как бюрократический, олигархический, клановый и т.д., но это определено не неолиберальная версия капитализма” [Бусыгина 2016, с. 44].

Подтверждением этого служит, по существу, и огромный фактический материал, представленный в книге Тощенко, хотя он нередко и возлагает всю вину за создавшееся положение именно на неолиберальные теории. Но все же, если эти теории и используются у нас, то скорее в узкой сфере финансовой деятельности государства как аргумент для снятия с него социальной ответственности, равно как и ответственности с тех “промежуточных выгодоприобретателей”, которые в собственных интересах заблокировали продвижение рыночных реформ, резко сузив поле свободы бизнеса, а значит, и общества в целом.

⁶ В частности, Э.Тоффлер пишет о низкой доле затрат на питание в США, где уже в 1950-е гг. она составляла 10% [Тоффлер, Тоффлер 2008, с.345].

⁷ Например, во время мирового кризиса 2008 г. в ноябре цены в московских супермаркетах на такие продукты, как говядина, свинина, сливочное масло, молоко, превышали соответствующие цены в супермаркетах восточного побережья США на 20–30%, а бензина – на 50% [Базанова 2008, с. 30–31].

Главная же проблема состоит в том, что руководители предприятий (и государственных, и частных) по-прежнему ориентируются на принципы установления оплаты труда основной массы работников, опираясь на критерии, сложившиеся в советские времена, не учитывая при этом отсутствия тех “подпорок” такой политики, которые тогда существовали. Впрочем, и их можно понять: при уровне производительности труда, присущем большинству старых и немодернизированных предприятий, иная политика невозможна. Отказ от нее ведет просто к банкротству. Другая сторона такой политики – возможность существования массы нерентабельных производств, которые при нормальном развитии конкуренции давно были бы ликвидированы или модернизированы (и многие из них принадлежат государству или аффилированным с ним лицам). Но отсюда же и проблемы, ставшие следствием попыток выполнения указов Президента РФ 2012 г. о повышении зарплаты работникам здравоохранения и образования. Отсюда же и тот факт, что исчисляемая даже официальными статистическими органами медианная зарплата оказывается существенно ниже исчисленной средней зарплаты, и многое другое. В результате значительная часть работающих граждан нашей страны относится к категории малоимущих. Даже в “благополучные” предкризисные 2000-е гг. доля таких работников составляла 60–61% (см. табл.).

Таблица

Распределение малоимущего населения России по группам в 2002–2007 гг.
(в %; все малоимущее население страны по каждому году – 100%)

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экономически активное население	61,2	60,5	60,2	60,2	60,5	61,1
Занятые в экономике	58,7	58,2	58,1	58,4	58,7	59,4
В том числе:						
работающие пенсионеры	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8	4,1
Безработные	2,4	2,3	2,1	1,9	1,8	1,7
Экономически неактивное население	38,8	39,5	39,8	39,8	39,5	38,9
В том числе неработающие пенсионеры	16,1	16,2	15,7	15,0	15,1	15,1

Источник: [Социальная... 2010, с. 181].

Конечно, многое здесь связано с торможением реформ, с недостаточной модернизацией производства. Но само это торможение во многом покоится на дешевизне труда. Все это подтверждает данные о том, что корни прекариации российского населения лежат не столько в неолиберальной идеологии, своеобразно интерпретированной отечественной экономической практикой, сколько в неизжитых формах предшествующей хозяйственной системы, для которой одним из главных факторов блокировки свободы индивида была монополия на трудовой наем при ограничении выдачи в форме зарплаты доли средств, необходимых для нормального удовлетворения совокупности потребностей, требуемых для воспроизводства рабочей силы.

* * *

И Стэндинг, и Тощенко убедительно доказывают, что образование прекариата как огромной массы людей, не уверенных в завтрашнем дне и при этом не видящих выхода из ситуации, ведет к созданию напряжения в обществе, чреватого разного рода взрывами. Они могут носить локальный характер, а могут и перерасти в общее противостояние и с представителями капитала, и с властью в целом. То есть борьба с пре-

кариацией населения становится важнейшей проблемой власти. Одно ее направление связано с общими проблемами новой технологической революции и соответствующих ей социальных изменений – исчезновением одних профессий и появлением других, к которым большинство работников пока не готово, особенно среднее и старшее поколении работников. Эти проблемы преследуют человечество на протяжении всей его истории, и оно справляется с ними, прежде всего совершенствуя систему образования и обучения непосредственно на рабочих местах.

В то же время в странах постсоциалистического транзита остаются очень серьезные причины прекариации, обусловленные “недоделанностью” рыночных реформ, ущемлением свободы во всех областях, прежде всего в бизнесе и трудовой деятельности. Чем скорее такие общества осознают опасность политики сдерживания реформ в интересах определенной узкой группы лиц, тем больше вероятность преодоления данного типа причин прекариации населения. Ибо сами эти причины поддерживают остроту ощущения “общества травмы”, служат его питательной средой.

Выход из “общества травмы” как определенного социально-психологического состояния может осуществляться через формирование устойчивого позитивного образа общества будущего, дающего надежду на развитие и совершенствование всех его членов, а не только современной квазиэлиты и ее приближенных, и конкретной политики, свидетельствующей о движении по этому пути. Это должно быть общество справедливости и значительно меньшего неравенства. Не случайно именно такие требования высказываются сегодня как во многих социологических опросах, так и в частных разговорах, и на митингах. Тот, кто сможет сформулировать ясную и четкую программу пути к такому обществу, причем в обозримом будущем, сможет завоевать доверие масс и повести их за собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базанова Е. (2008) Кризис нам, как известно, устроила Америка // *The New Times*. № 48. С. 30–31.
- Бусыгина И.М. (2016) Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (размышления над книгой Г. Стэндинга) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 34–47.
- Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. (2016) Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 48–64.
- Голенкова З.Т. (2015) Прекариат как новое явление в современной структуре // *Наемный работник в современной России*. Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф. С. 121–138.
- Михайлова М.Н. (2015) Неформальная занятость и прекариатизация работников // *Фундаментальные исследования*. № 11. С. 590–594.
- Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник (1988) М.: Финансы и статистика.
- Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х гг. (2007) М.: НИСП.
- Плискевич Н.М. (2006) “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. № 3. С. 62–113.
- Плискевич Н.М. (2010) “Система низких заработных плат” – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 126–146.
- Плискевич Н.М. (2012) Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2019) О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 116–132. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00009
- Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации (2010) М.: “Дело”.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. (2008) Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ.МОСКВА; Профиздат.
- Тощенко Ж.Т. (2018) Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука.

- Фридман М. (2006) Капитализм и свобода. М.: Новое издательство.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015) Прекариат: теория и эмпирический анализ // Социс. № 12. С.99–110.
- Юдин Г. (2018) В России господствует агрессивный индивидуализм (<https://philologist.livjournal.com/10644752>).
- Bourdieu P. (1998) La précarité est aujourd'hui partout // Bourdieu P. (ed.) *Contre-feuse*. Paris: Libre-Raison d'agir. Pp. 96–102.
- Friedman M. (1982) *Capitalism and Freedom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Hellman J. (1998) Winners Take. All the Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Munck R. (2013) The Precariat: a view from the South // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 5. Pp. 747–762.
- Standing G. (2011) *The Precariat: the New Dangerous Class*. London: Bloomsbury.

REFERENCES

- Bazanova Ye. (2008) Krizis nam, kak izvestno, ustroila Amerika [The crisis, as we know, was arranged by America]. *The New Times*, no. 48, pp. 30–31.
- Bourdieu P. (1998) La précarité est aujourd'hui partout // Bourdieu P. (ed.) *Contre-feuse*. Paris: Libre-Raison d'agir. Pp. 96–102.
- Busygina I.M. (2016) Prekariat: novyy vyzov dlya sovremennykh obshchestv i yego kontseptualizatsiya (Razmyshleniya nad knigoy G.Standinga) [The precariat: a new challenge for modern societies and its conceptualization (Reflections on the book of G. Standing)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 34–47.
- Friedman M. (1982) *Capitalism and Freedom*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Friedman M. (2006) *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Gasyukova Ye.N., Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. (2016) Raznyy prekariat: ob istochnikakh i formakh nestabil'nosti sotsial'nogo statusa individov i grupp [A different precariat: on the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 48–64.
- Golenkova Z.T. (2015) Prekariat kak novoye yavleniye vsovremennoy strukture [The precariat as a new phenomenon in a modern structure]. *Nayemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii*. Otv. red. Z.T.Golenkova [Employee in modern Russia. Repl. ed. Z.T. Golenkova]. Moscow: Novyy khronograf, pp.121–138.
- Hellman J. (1998) Winners Take. All the Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. *World Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 203–234.
- Mikhaylova M.N. (2015) Neformal'naya zanyatost' i prekariatizatsiya rabotnikov [Informal employment and precarization of workers]. *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 11, pp. 590–594.
- Munck R. (2013) The Precariat: a view from the South. *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 5, pp. 747–762.
- Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1987 g. Statisticheskiy yezhegodnik (1988) [The National Economy of the USSR in 1987. Statistical Yearbook]. Moscow: Finansy i statistika.
- Obzor sotsial'noy politiki v Rossii. Nachalo 2000–kh gg.* (2007) [Overview of social policy in Russia. The beginning of the 2000s]. Moscow: NISP.
- Pliskevich N.M. (2012) *Chelovecheskiy kapital v transformiruyushchey Rossii* [Human capital in transforming Russia]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Pliskevich N.M. (2010) “Sistema nizkikh zarabotnykh plat” – institutsional'naya lovushka postsotsialisticheskoy ekonomiki [“The system of low wages” is an institutional trap of the post-socialist economy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 5, pp. 126–146.
- Pliskevich N.M. (2006) “Vlast'-sobstvennost'” v sovremennoy Rossii: proiskhozhdeniye i perspektivy mutatsii [“Power-ownership” in modern Russia: the origin and prospects of mutation]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 62–113.
- Rubinshteyn A.YA. (2019) O provalakh gosudarstva i nesostoyavshikhsya reformakh v gumanitarnom sektore [On state failures and failed reforms in the humanitarian sector]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 1, pp. 116–132. DOI: 10.24411/2587–7666–2019–00009
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova Ye.N. (2015) Prekariat: teoriya i empiricheskiy analiz [The precariate: theory and empirical analysis]. *Sotsis*, no. 12. pp. 99–110.

Sotsial'naya podderzhka: uroki krizisov i vektory modernizatsii (2010) [Social support: the lessons of crises and vectors of modernization]. Moscow: "Delo".

Standing G. (2011) *The Precariat: the New Dangerous Class*. London: Bloomsbury.

Standing G. (2014) *Prekariat: noviy opasnyy klass* [The Precariat: the New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.

Toffler E., Toffler H. (2008) *Revolyutsionnoye bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn'* [Revolutionary wealth. How it will be created and how it will change our lives]. Moscow: AST.MOSKVA; Profizdat

Toshchenko ZH.T. (2018) *Prekariat. Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From protoclass to new class]. Moscow: Nauka.

Yudin G. (2018) *V Rossii gospodstvuyet agressivnyy individualism* [In Russia, aggressive individualism reigns supreme] ([https:// philologist.livjournal.com/10644752](https://philologist.livjournal.com/10644752)).